

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

Долгожданное продолжение
«Пассажирки» - бестселлера № 1
The New York Times

Странник

#YoungFantasy

Александра Бракен

Странник

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бракен А.

Странник / А. Бракен — «Издательство АСТ»,
2017 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-102512-0

Этту и Николаса вновь разделяет время и пространство. Девушке нужно закончить начатое, узнать правду о своих родителях и сделать выбор, способный бесповоротно изменить будущее. Тем временем Николас обнаруживает древние силы, гораздо более пугающие, чем те, с которыми ему пришлось столкнуться, — силы, способные окончательно уничтожить шкалу времени. Из колониального Нассау в Нью-Йорк, из Сан-Франциско в римский Карфаген, из императорской России в катакомбы Ватикана — курс проложен, но конец пути скрыт...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102512-0

© Бракен А., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Лондон	6
Техас	10
Нассау	11
Сан-Франциско	19
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александра Бракен Странник

© Alexandra Bracken, 2017

© П. Волцит, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Всем, забытым историей

*Ни мне, ни кому другому не одолеть этот путь.
Ты должен пройти его сам.*

*Он совсем близко – лишь протяни руку.
Быть может, ты идешь им с рождения, вот только не знаешь.
Быть может, идет он везде: по воде и по суше.*

Уолт Уитмен

Лондон 1932 Пролог

Когда-то у нее была кукла – с нарисованной улыбкой, светлыми волосами и глазами того же цвета, что у нее самой. Долгое время она была ее неразлучной спутницей: подружкой за чаем, когда Элис уезжала со своим папой; исповедницей, когда Роуз подслушивала родительские тайны; той, кто всегда мог выслушать ее, когда больше никто не хотел. Куклу звали Зенобией – в честь царицы воинов пустыни, о которой рассказывал дедушка. Но однажды, когда Генри Хемлок гонялся за ней по саду, она выронила куклу и, споткнувшись, наступила ей на шею, раскрошив хрупкий фарфор. От жуткого хруста сердце чуть не встало поперек горла.

А сейчас от хруста маминой шеи, ломающейся под каблуком незнакомца, ее вырвало прямо в прижатые ко рту ладони.

Вспышка огненной энергии прокатилась по комнате, унося с собой громовой хаос обрушившегося неподалеку прохода. Роуз отбросило к стене потайного чулана. От дрожащего воздуха сотрясались кости, болели зубы.

Она умерла.

Роуз задержала дыхание, зажмурилась, слыша, как взвыл папа, пригвожденный к полу мечом незнакомца. Она знала, что ей нельзя кричать вместе с ним, нельзя тянуться к маме, как пытался он. Потайной чулан, встроенный в стену за книжным шкафом, защитит ее, как обещал дедушка, но только, если она не издаст ни звука, ни шороха. Тонкой щелочки между фанеркой и одной из полок хватало, чтобы видеть комнату целиком.

Постепенно день сменялся вечером. Внизу на столе стыл нетронутый обед – о вторжении предупредило только быстро стихшее рычание и поскуливание соседской собаки. Папа едва успел зажечь лампу и камин в кабинете, а мама – спрятать Роуз, как по лестнице загрохотали шаги. Теперь, дрожа в остатках тепла и света, мрак, заполнивший комнату, казался живым, дышащим.

– Я же предлагал по-хорошему, – на незнакомце был изящный черный плащ с серебряными пуговицами; Роуз никак не удавалось разглядеть выгравированный на них знак. Тонкий черный шарф закрывал нижнюю половину лица, но не приглушал шелковистые переливы голоса. – Зачем же было доводить до такого... Отступитесь от своих прав на нее, отдайте астрологию, и нам не будет до вас никакого дела.

Осколки стекла и листы бумаги похрустывали у него под ногами, а он все кружил вокруг мамы... Того, что от нее...

Нет. Дедушка скоро вернется со своего собрания. Он обещал уложить ее спать, а его слово – гранит. Он все исправит. Это... это просто ночной кошмар. Просто в ее глупую детскую головку понабило много глупых фантазий о тенях, приходящих за детьми-путешественниками. Скоро все закончится, и она проснется.

– Гнусные чудовища – вот вы кто! – папа попытался голыми руками вытащить меч из плеча, оставляя на клинке кровавый след. Человек, нависший над ним, облокотился на изысканный эфес, вгоняя меч поглубже. Папа забился, молотя ногами воздух.

Мама не пошевелилась.

Острое, жгучее желание кричать разрывало Розы горло. Отвратительно пахнувший ручей крови, напitated ковер, подобрался к светлым маминым волосам.

Отец предпринял новую попытку отбиться, схватив одной рукой каменное пресс-папье, упавшее со стола в начале борьбы. С диким криком, вырвавшимся из легких, он метнул камень в закрытое маской лицо чужака. Тот играючи поймал его и в свою очередь выхватил еще один

меч с тонким клинком у другого человека в маске, стоявшего на страже у двери. Недовольно буркнув, незнакомец вонзил клинок в папину руку, обездвижив и ее. Папа коротко вскрикнул от боли, но вскоре его стоны перекрыл смех, раздавшийся из-под маски.

«Смотри, – думала Роуз, подтягивая испаранные коленки к подбородку, – расскажешь дедушке, что здесь произошло. Молчи, не шевелись. Мужайся».

– Ты... скажи Айронвуду: он так и умрет с тем, что никогда... *никогда* ее не получит...

Айронвуд. Снова Айронвуд. Это имя в семье произносили свистящим шепотом, оно нависало над их жизнью, подобно тени. Дедушка сказал, здесь они будут в безопасности, но Роза могла бы догадаться, что *не* будут. Они никогда не были *в безопасности* с тех пор, как ее тети и дяди, двоюродные братья и бабушка пропали, один за другим, в разных столетиях и на разных материках.

А теперь мама... и папа...

Роуз снова закусила губу, на этот раз до крови.

Другой мужчина, подпиривший стену у двери, дернулся вперед.

– Заканчивай, а! Общем полы и стены, пока никто не мешает.

Только теперь, когда фигура вышла в центр комнаты, Роуз увидела, что это вовсе и не мужчина, а высокая женщина.

Мама как-то говорила, что Айронвуд собирает девушек в свою семейную коллекцию и держит их на полках, словно стеклянные фигурки, не снимая даже ради того, чтобы протереть пыль. Должно быть, эту он считал небьющейся.

Мама тоже казалась такой.

Пока... не...

Мужчина в маске залез во внутренний карман плаща и прицепил к указательному пальцу длинное серебряное жало, изогнутое, как сверкающий коготь, раздирающий воздух.

Роуз перевела взгляд с оружия на папино лицо, обнаружив, что он смотрит на книжный шкаф – на нее, – беззвучно шевеля губами. «Не шевелись, не шевелись, не шевелись...»

Ей хотелось визжать, кричать ему, чтобы он сражался, что *она* готова драться, даже если он не может. Разве не ее руки и коленки покрыты синяками и ссадинами от драк с Генри? Это не ее папа. Ее папа смелый, он – самый сильный человек в мире, и такой...

Убийца в маске наклонился и вонзил жало в ухо несчастному. Папино тело в последний раз дернулось.

Губы замерли.

Где-то вдалеке гром сотряс безоблачное небо Лондона – рухнул еще один проход. Сейчас звук был слабее, но все равно каждый дюйм ее кожи словно содрали до мяса.

На папе был все тот же костюм, пахнувший табаком и одеколоном, но Роуз видела, что его самого больше нет.

– Начни со спальни, – приказал мужчина в маске, вытирая меч и вкладывая его в ножны.

– Она не здесь, – медленно протянула женщина. – Разве мы бы не почувствовали ее?

– Все равно, могли остаться записи, – рявкнул мужчина и начал один за другим выдергивать ящики. Он выгребал и отбрасывал древние монеты, папирусы, оловянных солдатиков, старые ключи. – Ну, коллекционеры...

Женщина прошла перед книжным шкафом, скрипнув паркетом. Роуз прижала перепачканные ладошки ко рту, чтобы не вскрикнуть. Она старалась не вдыхать запах собственной рвоты: ее и так мутило от запаха крови родителей. Темные глаза ураганом пронеслись по полкам, остановившись прямо напротив Роуз.

Мгновение замерло в ее сознании, словно лист на поверхности воды. И точно так же дрожало.

Не шелохнись.

Но она не хотела сидеть тихо.

«Как было бы легко, – подумалось ей, – стать такой же храброй, как мама: вырваться из потайного чулана, опрокинуть женщину на пол и убежать. Схватить один из их мечей и сечь, сечь, сечь, пока не изрубишь тьму на куски, как сделал бы папа».

Но папа велел ей сидеть тихо.

В углу напольные часы отсчитывали потерянные секунды. Тик-так, тик-так, тик-так... у-бит, у-бит, у-бит...

Горячая, запутанная, колючая, словно терн, часть Роуз оплела ее сердце, сжимаясь все теснее, пока она не заставила себя закрыть глаза. Она представила, как ее вены, ребра, вся грудная клетка каменеют, защищая то, что окаменеть не могло и так отчаянно болело. Она еще слишком мала, чтобы сражаться с ними, – Роуз это понимала. Но понимала и то, что однажды она вырастет...

Глаза убийцы метнулись дальше, привлеченные чем-то на следующей полке. Роуз переплавила свой страх в чистейшую ненависть.

Айронвуды. Снова Айронвуды.

– Не помнишь, сколько на столе лежало приборов? – спросила женщина. Она отошла от шкафа, протягивая что-то – фотографию в рамке – мужчине. Роуз стиснула себе горло, вцепившись ногтями в платье. На том снимке они были втроем.

Старый дом застонал. Убийца в маске приложил палец к губам, глаза стрельнули в сторону книжного шкафа. Он перешагнул через папу, подходя поближе к напарнице.

Не шелохнись.

– Возьмем малявку, – наконец, горячо прошептал он. – Он предпочел бы ее...

Вслед за грохотом входной двери, шарахнувшей о стену дома, снизу донесся яростный рев: «Линден!», и дом затрепетал под тяжелыми шагами; они быстро поднимались по лестнице. Роуз посмотрела на дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как в комнату врываются трое мужчин. При виде первого, чья величественная фигура летела, словно грозовое облако, она отпрянула. Папа старался как можно чаще показывать ей фотографии Сайруса Айронвуда, чтобы она узнала его в любом возрасте. Чтобы понимала, когда нужно убежать и прятаться.

Один из его свиты тронул ботинком мамино лицо.

– Теперь понятно, почему тот проход захлопнулся прямо за нами.

Роуз едва не выпрыгнула из-за полки, чтобы отпихнуть его, но тут внезапно осознала: убийцы в масках исчезли. Она не видела и не слышала, чтобы открывалось окно, не слышала и шуршания одежды или шагов. Зловещие маски словно бы растворились в тени.

Из тени придут они, ужас неся.

Из тени придут и похитят тебя.

– Подонки получили по заслугам, – прорычал Сайрус, наклоняясь и выдергивая шпагу из папиной руки... и тут же вгоняя ее ему в грудную клетку. Роуз подскочила при звуке, с которым острое клинка сокрушило кость и дерево, и почувствовала, как из горла исторгся тихий рык.

– Вот награда, которую я плачу *снаслаждением*, – заявил Айронвуд. – Знаю: это единственный стимул, способный заставить всех шевелиться. Жаль только, Бенджамин с ними не было. Что встали?! Ищите, болваны!

Десять тысяч золотых монет. Объявление, которое принес домой дедушка, кипевший от гнева, не предназначалось для глаз Роуз. Ей было не положено знать, что Айронвуд назначил награду за их жизни, но папа же никогда не закрывает – не закрывал – ящик письменного стола.

Самый молодой из свиты Сайруса поднял с края стола золоченую рамку, которую держала женщина в маске. Он ткнул пальцем в Роуз, чинно сидевшую между папой и мамой:

– А эту?

Айронвуд плюнул на папино лицо, прежде чем взять снимок. Глаза Роуз заволокла черная пелена, под кожей все кипело, и ей пришлось вцепиться ногтями в свое замызганное платье, чтобы не издать ни звука. Взгляд Сайруса заметался по комнате, она могла различить цвет его глаз: бледных и жгучих, как вспышка молнии. Затем, без единого слова, он вновь повернулся к ее папе, наклонился, разглядывая что-то – ухо?

– Хозяин? – напомнил о себе другой молодой человек.

– Нужно уходить. Немедленно, – ответил Айронвуд, казавшийся погруженным в свои мысли. – Тела заберите, еще не хватало, чтобы их обнаружили.

– Но что с астро...

Айронвуд швырнул снимок в рамке через стол так, что молодому путешественнику пришлось пригнуться.

– Если эта чертова штука и была здесь, то уже далеко. А теперь уберите тела! Я жду в машине.

Вместе с ним исчезла и ядовитая злоба. Роуз наконец позволила себе вдохнуть, глядя, как один из подручных Айронвуда приносит розовые простыни из ближайшей спальни, и как они вдвоем накрывают и заворачивают сперва маму, потом папу.

Ковер вынесли последним, оставив шрамы на деревянном полу. Роуз выждала, пока хлопнет входная дверь, потом досчитала до десяти, вслушиваясь, не шевельнется ли что-нибудь во мраке. Ничего не услышав, толкнула шкаф вперед и ошупью пробралась вниз по лестнице, выскочив с черного хода. В глазах щипало; она открыла калитку, споткнулась о велосипед, прислоненный к оградке, вскочила на него и поехала.

Роуз не чувствовала ничего. Только крутила, и крутила, и крутила педали.

Она едва ли что-то видела – слезы стекали с ресниц, капая на щеки, – но это просто из-за ужасно холодной и промозглой погоды.

Держа дистанцию, она ехала за машиной Айронвуда, блестящей в свете фонарей, словно панцирь жука. Роуз вспомнила страшную сказку, которую читал ей дедушка, о человеке, превращенном в чудовище собственным уродливым сердцем, и теперь она впервые поняла ее. Роуз представляла, как ее ногти становятся когтями, кожа – рыцарскими доспехами, зубы делаются острыми, словно у тигра.

Роуз всегда знала: рано или поздно Айронвуд вернется, чтобы растоптать остатки ее семьи, но она – не такая, как дети Жакаранд или Хемлоков, которые позволили Айронвуду забрать себя, когда их родители сдались или были убиты.

«Как жаль, – думала девочка, – что они росли без терновых шипов, которыми могли бы защитить себя».

Однажды она отнимет у Сайруса Айронвуда все. Разрушит его трон из часов и разобьет корону из дней. Она найдет это чудовище и закончит дело, начатое мамой и папой. Но сегодня она просто будет следовать за ним во тьме.

Потому что должен же кто-то сообщить дедушке, где Айронвуд спрятал тела.

Техас

1905

1

Этту, обернутую огненными лентами, разбудили громовые раскаты.

Она тут же проснулась. Кожу, казалось, выжгло до мяса, содрало лоскутами, открыв каждый нерв, каждую вену чистой безжалостной агонии. Она подавилась собственным вдохом, легкие казались слишком тесными, не вмещавшими больше одного маленького глотка воздуха. Она знала, что попала не в воду: земля под нею была жесткой и шершавой, но инстинктивная вспышка страха, свинцовая тяжесть в болезненно дернувшихся мышцах заставляли думать, что она тонет.

Этта свернула голову набок и попыталась выкашлять пыль, забившую рот. Это легкое движение отозвалось новой резкой болью в плече, отдававшей в ребра и позвоночник.

Разрозненные воспоминания прорывались сквозь горячий морок жара и бреда: Дамаск, астролябия, София, и...

Этта с усилием разлепила веки, затем снова зажмурилась от яркого солнца. Одной секунды хватило, чтобы впитать образ белого, как древние кости, мира, мерцавшего и переливавшегося в струях горячего воздуха, поднимавшегося над бледной пылью. Это напомнило ей танец солнечных лучиков на океанских волнах. Напомнило о...

Проходе.

Так вот что за гром она слышала. То была не надвигавшаяся гроза – никакой передышки от жары не предвиделось. Ее окружала пустыня – повсюду, на многие мили – лишь вдали, вместо древних храмов и форумов возвышалось незнакомое плато. Это не...

Не Пальмира. Тут и воздух пах иначе, обжигая ноздри при каждой попытке вдохнуть, – в нем не было ни намека на перепревшую влажную зелень ближайшего оазиса, ни запаха верблюдов.

Грудь сжало страхом и недоумением.

– Ник... – даже этот осколок слова битым стеклом застрял в горле; на треснувших губах выступила кровь.

Девушка перевернулась, опираясь ладонями о жесткий грунт, чтобы приподняться. *Нужно встать...*

Подтянув локти под тело, она не успела даже поднять голову, как тупая боль в плече взорвалась, словно нарыв. Крик наконец-то прорвался сквозь ее ободранное горло, руки под ней подломились.

– Боже правый, а еще громче закричать не пробовала? Мало нам спешащего сюда стража, так еще, сделай одолжение, заставь прискакать вместе с ним целый отряд кавалерии!

На нее упала тень. За несколько секунд до того, как тьма снова поглотила сознание, Этте показалось, что она уловила проблеск ярких, почти неестественно-голубых глаз, вспыхнувших узнаванием при виде нее.

– Так. Так-так-так. Кажется, мистер Айронвуд, удача еще не окончательно вас покинула.

Нассау

1776

2

Николас откинулся на стуле, приподнимая загнутые поля шляпы, чтобы еще раз оглядеть переполненную таверну «Три короны». Жаркий и душный воздух заведения придавал насквозь пропитанным ромом завсегдатаям лихорадочный вид. Хозяин – бывший капитан Паддингтон – охотно присоединился к веселью, оставляя внушительного вида женушку за прилавком – приглядывать за обильным пойлом и скромным съестным.

Никому, казалось, не было дела до того, что крикливо-изумрудная краска курчавилась по стенам, отпадая целыми пластами, будто желая поскорее убраться подальше от нестерпимого зловония уткнувшихся в свои кружки мужчин. Георг III невидящим взором глядел на своих непутевых подданных с изуродованного портрета (глаза вместе с другими органами – и не только чувств – ему процарапали моряки Континентального флота, прошерстившие остров в поисках припасов семью месяцами ранее).

Николас, сжимая успевшую нагреться кружку эля, подумал, что три короны, очевидно, принадлежали трем коронованным в таверне порокам: алчности, чревоугодию и похоти.

Одинокий скрипач съезжился в углу, безуспешно пытаясь перебить похабные песни, распеваемые компанией неподалеку. Кожа на его кадыке натягивалась как тугой галстук.

«Наливай еще, поддатый, помни: истина – в вине! К черту граций, к черту мысли о любви и красоте! Фа-ла-ла-ла-ла..!»

Николас поспешно отвел взгляд от смычка, парившего над струнами, пока непрошенные мысли не побежали наперегонки с памятью. Каждая секунда подтачивала его решимость, а терпения оставалось совсем немного.

«Спокойно! – приказал он себе. – Спокойно».

Легко говорить, когда искушение впитаться ногтями в стол и стены, выпуская на волю закупоренную внутри бурю, почти непреодолимо. Он заставил себя сосредоточиться на выпивохах, сгорбившихся над столами: они увлеченно шлепали картами и совершенно не обращали внимания на бешеный дождь, хлещущий по окнам. Языки и говоры были столь разнообразны, сколь и корабли в бухте. Никого в форме не наблюдалось, к приятному удивлению Николааса и к выгоде остальных, бесстыже сбывавших контрабанду.

Стоило ли удивляться, что Роуз Линден выбрала именно это место для встречи. Николас начинал задумываться, была ли она очарована картиной непотребства или просто чувствовала себя здесь как дома. Как бы то ни было, ее выбор гарантировал, что стражи Айронвуда, приглядывавшие за проходом на острове, вряд ли стали бы заходить сюда: слишком они были тонкими натурами, чтобы рисковать замараться о замызганное очарование матросов.

«Сиди спокойно!».

Николас нащупал пальцами кожаный шнурок под парусиновой рубашкой и изящную сережку, которую повесил на него, чтобы не потерять. Вынуть ее он не решился – хватило жалостливого презрения на лице Софии прошлым вечером, когда она застала его разглядывающим в свете маленького камина бледную жемчужину, золоченые листья и голубые бусинки на золотой петле.

Куда безопаснее было смотреть перед собой, чем сосредотачиваться на свидетельствах своих провалов.

«Этта бы одобрила место». Николас не успел остановить мысль, как та уже выскочила. Она бы с наслаждением разглядывала комнату, жадная до любых историй из низменной жизни

острова – прославленного пиратского королевства. Он бы даже рисковал потерять ее, увлеченную злополучной погоней за сокровищами или похождениями шайки контрабандистов.

«Ты и так ее потерял». Николас медленно выдохнул, заталкивая боль куда поглубже.

В совсем плохие дни, когда беспокойство и страх превращали кровь в копошащихся пауков, а бездействие становилось невыносимым, его преследовали кошмары. *Ранена. Исчезла. Погибла.* И единственным символом веры, не изменявшим ему, когда сомнения кружились в голове бешеным вихрем, было убеждение, что Этта слишком умна и слишком упряма, чтобы умереть.

Он намеренно затушил висевшую над ними лампу и заказал кучу мелких тарелочек закуски и эля, чтобы их стол не вызывал лишних вопросов. Однако карманы легчали с каждым днем, и Николас понимал, что той небольшой суммы, которую он заработал, разгружая утром корабль в доках, не хватит надолго.

– Что-то она не показывается, – проворчала София через стол.

Николас ушипнул себя за переносицу, стараясь унять нараставшее раздражение, пока оно не завладело им без остатка.

– Терпение, – прорычал он. Вечер только начинался. – Наше дело тут еще не сделано.

София фыркнула, допивая остатки эля, а потом, перегнувшись через стол, схватила его кружку и залпом опустошила, заслужив одобрительные взгляды с соседнего столика.

– Вот, – объявила она, хлопая днищем кружки о стол, – теперь можем идти.

За все свои двадцать с лишним лет Николас не смел и мечтать, что доживет до дня, когда кто-то из Айронвудов предстанет в столь постыдном виде.

Учитывая, что на острове были Айронвуды, и особенно то, что Великий Магистр, вероятно, лично назначил за их с Софией головы состояние, которого хватило бы купить весь этот остров, они как могли изменили внешность. София угрюмо – хотя и добровольно – остригла длинные темные волнистые волосы, заплетя остатки в аккуратную косу. Николас раздобыл одежду какого-то моряка, примерно соответствующего шуплой фигурке Софии, и девушка носила ее так легко, словно собственную кожу, что было весьма неожиданно, учитывая ее былое пристрастие к шелкам и кружевам.

Однако еще неожиданнее оказалась кожаная нашивка на месте левого глаза.

Опасения Николаса после избиения в Пальмире были вполне обоснованны. Пока они с Хасаном добирались до лечебницы в Дамаске, рана нагноилась, и глаз совсем перестал видеть. Гордая София предпочитала медленно умереть от нагноения и заражения крови, чем по доброй воле дать целителям удалить его.

Однако в итоге какая-то часть ее, должно быть, захотела жить – она не сдавалась даже в самых страшных тисках агонии. По правде говоря, вылечилась она очень быстро, и Николасу пришлось неохотно признать: коль скоро эта девушка с железной волей что-либо решила, лучше не стоять у нее на пути.

Болезнь Софии оказалась им на руку. Пока она поправлялась в Дамаске, Николас получил неожиданное послание от Роуз, оставленное в доме Хасана:

«Обстоятельства не позволяют мне ждать месяца, как договаривались. Встречаемся 13-го октября в Нассау или не встречаемся вовсе».

В какой-то миг на пути в Дамаск из Пальмиры, где они договорились о будущей встрече, Роуз, очевидно, по-другому взглянула на свои «обстоятельства». Николас не знал, бояться ли ему или просто злиться – она так легко рассчитывала на их способность перемещаться с невероятной скоростью! Как бы он ни сочувствовал ранению Софии, при мысли, что они упустят возможность найти последний общий для всех временных шкал год, его чуть не затошнило от страха и бешенства.

Но ее синяки и ссадины рассосались за две недели, а три дня назад она окончательно окрепла для путешествия по чередке проходов, пока, совершив последний бросок на зафрактованном судне из Флориды, они не прибыли к Роуз... которой не было.

– Этта с нею не придет, так что ты напрасно выглядишь, словно щенок, готовый вот-вот сделать лужицу, – язвила София. – Тебе не кажется, что им пора бы уже показаться, коли на то пошло?

Нет, он не рассчитывал, что Роуз прибудет вместе с Эттой, живой и здоровой, оправившейся от раны. По крайней мере, до сегодняшнего утра. Надежда, как он обнаружил, имела свойство иссыхать, будто песок в часах.

Николас заставил себя вдохнуть, чтобы успокоиться. Ненависть, лелеемая Софией, делала воздух между ними непригодным для дыхания; а за последние недели ее чувства покрылись такими шрамами, что стали еще безобразнее, чем раньше. Ночью с нею в одной комнате, он чувствовал себя... мягко говоря, неуютно.

Но ему... Каким горьким делалось слово «нужна», когда относилось к Софии! Ему была нужна ее помощь, чтобы находить проходы, а взамен он пообещал помочь ей исчезнуть из поля зрения «обожаемого дедули», когда их злополучное путешествие подойдет к концу. Николас не сомневался: на самом деле София держалась с ним лишь потому, что не оставляла надежды заполучить проклятую вещицу.

И ему приходилось жить с этим, потому что ему – господи, спаси и помоги – была нужна она. Будь проклято его незнание мира путешественников! Будь проклято его невезение. И все Айронвуды в придачу.

– Не терпится на свежий воздух? В такую-то погоду? – поддразнил он, прищурившись. Она тоже прищурила свой единственный глаз, но тут же насупилась и отвернулась, оглядывая таверну.

Николас пробежал пальцами по краю стола, отмечая каждую зарубку на дереве. Еще два дня назад желание плюнуть на сделку с Роуз показалось бы ему невысказанным. И все же, если она не уважала их договор, что его с нею связывало?

«Ты прекрасно знаешь, что», – подумал он. Обнаружение последнего общего года для прежней временной шкалы и этой, какой бы она ни была. Этту, должно быть, швыряло сквозь проходы, через десятилетия и века, пока не выбросило в какой-то день общего года, без сил, раненую и одинокую. Надо было им поменяться целями, чтобы Роуз искала астролябию, а он – Этту, но он понимал, даже тогда, вымотанный, с ободранными нервами: у Роуз есть знакомства, которые позволят ей быстро разобраться с изменениями во временной шкале.

Николас уже готовил себя к ее холодной ярости, когда Роуз обнаружит, что он две недели не занимался поисками этой окаянной астролябии, как договаривались. Он и искал бы всерьез, если бы его не преследовал страх за Этту.

Как бы он ни поигрывал – в самых темных глубинах своего сердца – с мыслью поступить как эгоистичный подонок и сбежать, его душа восставала против такого бесчестия. Вот когда астролябия будет найдена и уничтожена, а будущее Этты восстановлено, он с удовольствием даст понять Айронвуду, что тот никогда ее не получит.

Но больше чести, важнее ответственности была сама Этта. Найти ее, помочь ей, преодолеть беду, как они и хотели. Она – его напарница.

Сердечко мое.

Он закончит со всем этим и займется собственной жизнью, как всегда и хотел. Мир путешественников никогда не был его миром. Ему не давали ни доступа к тайнам, ни дозволения исследовать глубины. В том мире он был лишь слугой.

Даже время Этты было для него подобно далекой звезде. Он изумлялся ее рассказам о прогрессе, о войнах и открытиях, но то будущее оставалось для него слишком далеким, чтобы прочувствовать его, пустить в свое сердце как что-то настоящее, а не выдуманное. Не говоря

уже о том, чтобы на что-то в нем претендовать. Но суждено ли им было туда попасть и обрести дом или нет, он хотел восстановить мир, который Этта знала и любила.

Шум веселья в таверне время от времени прерывал грохот двери, швыряемой как штормовым ветром, так и заблудшими душами, искавшими укрытия. Николас снова сосредоточился на входе, высматривая знакомую вспышку золотых волос и голубые глаза.

– А ты не мог бы в кои-то веки сделать что-то полезное? Хотя бы избавить нас от того выродка в углу, например, – проворчала София, опуская голову на скрещенные на столе руки.

– Если он так и будет пялиться на меня, обещаю напасть первой через минуту.

Николас моргнул, переводя взгляд из угла в угол, затем обратно на девушку перед собой.

– О чем ты, дьявол тебя раздери?

Источая волны презрения, София выпрямилась и мотнула головой в дальний конец таверны, в сторону столика, находившегося в прямой видимости от их собственного. За ним сидел человек в темном плаще и нахлобученной на мокрый парик треуголке, будто готовый при первой же возможности выскочить под ливень. Поймав взгляд Николаса, он тут же начал рассматривать свою кружку, барабанив пальцами по столу. Только тогда Николас заметил знакомое древо, вышитое золотом на тыльной стороне его перчатки.

Что-то, стискивавшее внутренности, наконец разжалось. Отверженный был из Линденов. Страж, если Николас не ошибался.

Или из Айронвудов, пытается поймать нас на приманку.

Ну нет – в последний месяц он стал подозрительным сверх меры. Человек Айронвудов напал бы на них открыто. Семья его отца не отличалась утонченностью, зато обладала редкостным даром не тяготиться убийствами. И все же он нащупал нож, припрятанный во внутренний карман сюртука.

– Сиди здесь, – бросил Николас.

Но, разумеется, София поплелась за ним, спотыкаясь от выпитого. Человек не поднял взгляда, даже когда они сели на пустующие стулья за его столиком.

– Тута занято, – буркнул незнакомец. – Я жду кумпаниюю.

– Полагаю, она уже прибыла, сэр, – заметил Николас. – Кажется, у нас есть общий знакомый.

– Неужто? – мужчина повертел оловянную кружку в руке. Повертел снова. И снова. И снова. Наконец, София выбросила руку и прихлопнула его ладонь, опередив Николаса на доли секунды.

– Хочешь и дальше испытывать мое терпение? – процедила она. – Давай, попробуй.

Страж отпрянул от ее стального голоса, моргнув, едва разглядел ее лицо – и черную повязку на нем.

– Ты это на маскарад нацепила, милочка, или просто...

Николас прокашлялся, уводя мужчину с опасной дорожки.

– Мы ждали... кое-кого другого.

Кожа стража выглядела, словно ее оставили у огня просушиться да забыли на несколько часов дольше необходимого. Николас хорошо знал такие лица – свидетельство долгих лет работы в море или у моря. Обежав зелеными глазами комнату, старик стянул шляпу и поправил парик.

Затем подтвердил, что понял Николаса:

– Видел тут... скажем так, видел такие рожи, которых обычно стараюсь обходить за милую. Прочесывают берег и город очень плотно. Поневоле задумаешься, стоит ли выручать леди из беды.

– Осторожность никогда не повредит, – кивнул Николас. – И где же та леди?

Старик, не обратив внимания на его слова, продолжил тем же капризным тоном:

– Говорили, от вас будет один. Ты, кажись, подходишь, – он перевел взгляд на Софию.
– А об ей не слышал.

Глаза Софии сузились в щелочки.

– Это мой компаньон, – пояснил Николас, пытаясь не дать разговору оборваться. Он понимал необходимость конспирации, но каждая секунда, в которую они не искали астролябию, была секундой, потраченной напрасно. – Так вы приведете нас к той леди?

Человек сделал большой глоток из кружки, закашлявшись, и замотал головой. Еще один вороватый взгляд вокруг, и его рука исчезла в складках плаща. Пальцы Николаса снова нырнули в карман, сжимая рукоять кинжала.

Но незнакомец вытащил не пистолет и не нож, а сложенный лист пергамента, расстелив его на столе. Николас, взглянув на красную восковую печать с выдавленным деревом Линденов, снова поднял глаза на старика. София же выхватила пергамент, перевернула и встряхнула, словно ожидая, что из складок посыплется яд.

– Наш... *цветок*, – проговорил старик, подчеркивая выбор слова, – занят другими делами. И теперь, оказав ей любезность, я откланяюсь, чтобы...

– Любезность? – переспросила София, от эля ставшая бесцеремоннее обычного. – А вы разве не страж?

Мужчина оттолкнулся руками от стола.

– Был стражем, пока другая семья не поубивала моих. Теперь делаю, что заблагорассудится. Что в данном случае означает: откланяюсь.

Николас встал в то же миг, что и страж Линденов, догнал его в толпе и схватил за рукав:

– Что еще за «другие дела»? Мы ждали ее...

Страж вывернулся из рук Николаса, задев другого завсегдатая таверны и плеснув элем Николасу на ботинки.

– Я похож на того, кому Роуз Линден станет открывать свои треклятые тайны?

Справедливости ради, учитывая его помятый вид и весьма впечатляющий шрам вокруг шеи, который мог остаться только от веревки, он был очень даже *похож*.

– Она сообщила вам еще хоть что-нибудь? – нажимал Николас, раздражаясь от того, что приходится повышать голос, перекрикивая повизгивание скрипки и громогласный смех завсегдатаев. – Она еще на острове?

– Ты по-аглички-то разумеешь, милоч? – усмехнулся страж. – Мне тебе, что, по-хранцузски растолковать или...?

Женский вскрик прорвался сквозь раскаты басовитого мужского гомона. Николас обернулся к их новому столику, обнаружив рядом с ним девушку-служанку, лихорадочно собирающую раскиданные по столешнице осколки. Еще одна шуплая фигура в синей матросской курточке промакивала жидкость, капавшую со стола на пол.

– Ты, корова! – заорала София, выхватив тряпку из рук смущенной девушки и хлестнув ее по переднику.

– Случайно... Простите, ради бога... Споткнулась... – бедняжка едва могла выдавить полслова.

– Ты что, слепая? – расходилась София. – У меня один глаз, а я и то лучше вижу!

– Удачи тебе *скомпаньоном*, – хмыкнул страж и, пока Николас оборачивался, уже вынырнул в другом конце зала, отделенный людским морем. Ветер вновь от души грохнул дверь, и страж растворился в ночи. Хозяин «Трех корон», отставив поднос с пойлом, пошел заложить засов, прежде чем дождь промочит пол.

– В чем дело? – спросил Николас, проталкиваясь к их столу. София, откинувшись на стуле, мрачно наблюдала, как служанка сметает последние осколки себе в передник.

– *Кто-то*, – с нажимом сказала София, будто этот «кто-то» не стоял рядом с ними, – будучи полной и окончательной дурой, решил перевести отменный ром, испував в нем меня...

По правде говоря, жидкость весьма кстати освежила ее запах.

– Я не дура! – служанка побагровела. – Я смотрела, куда иду, но что-то попало мне под ноги!

Девушка унеслась, прежде чем Николас успел выдавить что-нибудь примирительное. А София, разумеется, разъярилась еще пуще.

– Что? Не может вынести даже намек на критику? – огрызнулась она, и вдруг заорала ей вслед: – За собой следи, ты чертова...

– Хватит! – оборвал ее Николас. – Давай посмотрим письмо.

София скрестила руки на груди и откинулась на стуле.

– Чудно! Ты мне его даже подержать не дал, ни секундочки!

– У меня нет времени на игры, – отмахнулся он. – Просто дай мне письмо.

Она ответила на его жесткий взгляд невинным выражением лица. Беспокойный холодок пробежал по его спине.

– Письмо! – настойчиво повторил он, протягивая руку.

– У меня... его... нет...

Они проглядели друг на друга еще мгновение, Николас чувствовал, будто София режет его взглядом на куски, а сам отчаянно соображал. Потом резко наклонился, оглядывая пол, стулья, под столом. Служанка? Нет, он видел, как девушка опускалась на колени, и уж, конечно, она бы не стала торчать у стола, с которого только что что-то стянула. Не могла она и смести письмо в свой передник – он бы увидел. Значит...

Другой! Тот, что промакивал стол.

– Куда пошел тот человек? – спросил он, поворачиваясь на каблуках.

– Что ты несешь? – буркнула София, вскакивая на ноги. Пока она ворчала, Николас уловил боковым зрением край темно-синей курточки и широкополую шляпу, которая не могла скрыть лицо. Китаец наблюдал за ними с площадки лестницы, ведущей в номер наверху. Николас сделал один-единственный осторожный шаг в его сторону, но едва сдвинулся с места, как незнакомец исчез с легкостью и стремительностью зайца.

– Проклятье! – ругнулся Николас. – Подожди здесь...

София вытянула из-за пазухи не виданный им ранее пистолет и, даже не потрудившись прицелиться, пальнула в сторону лестницы. Звенящая тишина, последовавшая за выстрелом, привлекла к ним внимание всей таверны. Загремели пистолеты, ножи и старые шпаги. И от маленькой искры, воспламенившей порох, драка, которой так искала София, на которую десяток раз пыталась спровоцировать Николаса, служанку, любого, кто просто не так посмотрел, наконец-то, разгорелась не на шутку.

Один неуклюжий выпивоха саданул другого локтем по шее, пытаясь вытащить собственное оружие. Со сдавленным криком второй моряк махнул кулаком, откидывая первого на ближайший стол. Разлетелись карты, кости, еда и эль. Картежники, вскочив с места, бросились на подвернувшихся под руку людей, до этого тупо тарачивших налитые ромом глаза, а теперь пятившихся, чтобы их не затоптали.

Из гущи битвы выскочил моряк, подхватывая стул с пола и метя им в Софию, которая стояла, как вкопанная, глупо улыбаясь.

«Не видит», – успел подумать Николас, и выкрикнул:

– Слева!

София резко дернулась в сторону так, что с нее слетела шляпа, и машинально махнула ногой, попав точно куда надо: моряк с воем повалился на пол, прижимая руки к паху; девушка освободила несчастного от стула и шмякнула им по голове.

Скрипка возмущенно вскрикнула, когда смычок отпрыгнул от струн, а сам музыкант нырнул под стол, едва успев разминуться со стулом, которым пропитанная виски жрица любви пыталась «подправить» конкурентке нарумяненное лицо.

Одиноким пьяным моряк стоял в центре хаоса, закрыв глаза и покачиваясь в странном танце, прижимая к груди бутылку, словно партнершу.

– Лопни твои глаза! – не сдержался Николас.

– Ты, вероятно, имел в виду глаз, – уточнила София, засыпая остатки пороха в оружие, прервавшись только на то, чтобы стянуть полупустую бутылку рома с освобожденного столика.

Николас проталкивался сквозь клубок бешено молотящих рук и ног, уворачиваясь от шпаг, тут и там рассекавших воздух. Трактирщик взобрался на барную стойку, но, вместо того, чтобы остановить драку своевременным зычным криком, бросился на спину ближайшего клиента, прижимая его к полу с громким боевым кличем.

Николасу случалось видеть и более цивилизованные способы наведения порядка, вроде обмазывания дегтем и вываливания в перьях.

Наконец, он добрался до лестницы – как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина, убегающий от драки, оттолкнул девушку с дороги, спустив ее с лестницы в ворохе юбок. Николас еле поймал несчастную, прежде чем та разбила себе голову.

– Иисусе! – выдохнул он, закашлявшись от взлетевшего с ее парика облака пудры.

– Спасибо! О, спасибо вам! – женщина покрывала поцелуями каждый дюйм незакрытой одеждой кожи, при этом перекрывая ему путь вверх по лестнице; он попытался мягко отодвинуть ее.

– Мэм, пожалуйста...

– Двигай, девка! – София, стоя внизу лестницы, направила пистолет прямо в лицо женщине. – У него не найдется и пары монет, чтобы позвякать, где уж тратить их на тебя!

Девушка сняла осаду, обиженно отвернулась и пошла вниз, к драчунам.

– Она тебя что, до бесчувствия зацеловала? – прорычала София. – Вперед! Уйдет же!

Николас помчался на второй этаж, перескакивая через две ступеньки, и, увидев в самом конце вытертой ковровой дорожки открытую настежь дверь спальни, бросился туда, шумно и тяжело дыша. Темноволосая девушка, кутаясь в вязаное одеяло, дрожала на плече подруги, похлопывавшей ее по плечу, и захлеб рассказывала, почти нечленораздельно:

– На меня... дверь... коротышка... смешной человечек... махал ножом... в окно...

– Смешной человечек? – переспросил Николас, а София уточнила:

– В окно?

Девушка испуганно заморгала при их неожиданном появлении.

– Э-э... низенький, да, почти как ребенок. И он из этих – как это называется...

– С Дальнего Востока? Китаец? – предположила другая. Девушка в одеяле кивнула, потом обернулась к Николасу, явно ожидая вознаграждения. Но София была права: у него не было и двух монет в кармане. После всего выпитого и съеденного у него и одной-то не осталось.

София, а за нею Николас, протиснулись в удушливую комнату, заполненную свечным дымом и тяжелым запахом цветов. Дождь залетал в открытое окно, оставляя на ковре темные пятна.

Пока София разглядывала обрывок ткани, зацепившийся за раму, Николас высунул голову, высматривая на затопленных улицах намек на движение. Перекинув ногу через раму, он спрыгнул на крышу крыльца и оттуда на землю. За спиной послышались глухой удар и ругань Софии.

Николас пробежал несколько шагов, прикрывая глаза от хлещущих с неба струй. Вода катилась по грязи и булыжнику, отмывая, хотя бы на одну ночь, остров от грязи и нечистот.

Но вор исчез, а с ним – письмо Роуз.

– Картер! – София так и осталась стоять около таверны. Большая темная груда, прислоненная к ярко-выкрашенной стене, внезапно обрела очертания человека.

– Что за... – слова застряли у Николаса в горле, когда он подошел чуть ближе.

Страж Линденов осел у стены, уставившись в пространство невидящими глазами. Его кожа побелела и стала восковой, словно из него выкачали всю кровь. Сквозь дождь и мрак Николас не видел никаких повреждений: ни пулевого отверстия, ни порезов, ни следов удушения.

– Что случилось?

София опустилась на колени рядом с мертвым и повернула его голову набок, показав струйку крови, вытекающую из уха.

– Вон они!

Николас поднял голову к окну, где одна из девиц вывешивалась из окна, указывая на них. Несколько мужчин рядом с ней, увидев их, бросились на лестницу, спеша к выходу из таверны.

– Пора убираться.

– Не буду спорить, – кивнула София и рванула вперед, увлекая их в ночную бурю.

Сан-Франциско

1906

3

Этта ошупью пробиралась по границе своих сновидений, мягко убаюкиваемая волнами памяти.

Плавная качка внезапно сменилась еще более нежными толчками, вторящими ее пульсу. Вокруг в тусклом сиянии свечей кружились лица, шепча, поглаживая шершавыми руками ее покрытую ссадинами кожу. Она потянулась обратно, к прохладному шелку в тени своего разума, в поисках другого источника света, который помнила: луну над бликующей водой.

Он нашел ее первым, как всегда, увидев с другого конца корабля. Та ее часть, что потускнела от потери, снова засияла, заливая светом боль и страхи, пока не осталось ничего, кроме его лица. Волны накатывали в том же ритме, то вознося их вверх, то кидая вниз, а они шаг за шагом шли навстречу друг другу.

И вдруг он – рядом с нею, она в кольце его рук, вжимает лицо в складки грубой парусиновой рубашки, вдыхает источаемый им запах моря, а ее руки скользят по его мускулистой спине, впитывая знакомое тепло. Здесь, здесь, здесь, – не одна, больше не одинока. Бесхитрость чувства проросла в ее груди, расцветая картинками будущего, о котором она мечтала. Жесткая щетина коснулась ее щеки, его губы щекотали ей ухо, но Этта не слышала ни слова, как бы ни цеплялась за него, как бы ни прижимала к себе.

Мир за ее веками снова изменился, вернулись тени – ровно настолько, чтобы она могла разглядеть вокруг и других, увидеть изгиб туннеля метро. Звуки скрипки плыли по воздуху, и она поймала себя на том, что покачивается в такт музыке; она медленно кружится с ним по бесконечной орбите, обхватывает его руку, поглаживая сильные вены и сухожилия, творит мелодию из его пульса, мышц и костей. Стены содрогнулись, грохнули, заревели, и Этта подумала, поднимая взгляд, пытаясь разглядеть его лицо: «Пусть ревут, пусть рухнут к чертовой матери!».

Он склонил голову и попятился. Она пыталась остановить его, схватить за рукав, удержать пальцы, но он исчез, словно теплый бриз, оставив ее одну, низвергнутую и брошенную.

«Не оставляй меня, – подумала она, чувствуя, как уходит тяжесть, переполняющая все тело, и возвращаясь в себя, дрожа от страха, – только не сейчас...».

Николас ответил ей со смехом: *«А нынче «С добрым утром!» говорим мы душам, в страхе...»*

Этта открыла глаза.

По крайней мере, ее вены больше не горели огнем, как в пустыне. Но она чувствовала себя такой же бесплотной, как пылинки, танцующие вокруг мигающей свечи на прикроватном столике. Она не шевелилась, стараясь дышать ровно, пока оглядывала комнату из-под низко опущенных ресниц.

Прямо у изножья кровати, в кресле, сидел человек.

Этта успела поймать чуть не вырвавшийся вскрик. С кровати ей была видна только макушка густых темных волос. Свет свечи выхватил несколько серебристых прядок. На нем была простая рубашка и свободные брюки, смятые неудобной позой. Одна рука с зажатым между пальцами галстуком-бабочкой держала на коленях раскрытую книгу, другая – свешивалась к полу. Грудь спящего размеренно поднималась и опускалась.

Неприятную мысль, что за нею наблюдали, пока она спала, не в силах ничего сделать, быстро вытеснило осознание, сколь небрежно караульный относился к своим обязанностям.

Порыв ветра высушил слезы и пот на ее лице, встопорщил воротник его рубашки – окно за длинными плюшевыми шторами карминового цвета было открыто.

Медленно, стараясь не издать ни звука, Этта переменяла позу, закусив губу от боли, пронзившей ее от макушки до пальцев ног. Глазами быстро обежала комнату: красивый письменный столик у стены, оклеенной обоями с цветочным рисунком, рядом бюро – такое большое, что, казалось, вся комната была построена вокруг него. И столик, и бюро были сработаны из того же полированного дерева, что и ее кровать; по углам, сплетаясь друг с другом, тянулись лианы.

Прекрасная позолоченная тюрьма, не поспоришь. Однако нужно как можно скорее найти выход.

Комнату освещало несколько свечей: на столике, на бюро, на стене около двери. Благодаря неверному свету она смогла увидеть свое отражение в запыленном зеркале; правда, изображение разбивалось огромной трещиной и искажалось неровным стеклом.

О Боже!

Этта протерла глаза и снова недоверчиво рассмотрела себя. Она знала, что в Дамаске ее бледная кожа набрала цвета, но теперь лицо шелушилось от солнечного ожога. Грязные волосы ей заплели в косу, открыв ввалившиеся щеки и синяки. Выглядела она больной, если не хуже. Если бы ей не вымыли лицо и руки, она бы подумала, что ее протащили за такси по Таймсквер. И не раз.

Однако, пожалуй, хуже всего было то, что кто-то, пока она спала, снял с нее всю одежду, надев длинную, до пят, ночную рубашку, чопорно завязанную отвратительно-розовой лентой под самое горло. Этта надеялась, что это был тот же человек, который позаботился перевязать ей плечо и вообще как мог привел ее в порядок. И все же ее передернуло от собственной беспомощности.

Не в силах больше игнорировать жгучую боль, Этта переключилась на левое плечо, и, стиснув зубы, сорвала вызывающую зуд повязку. Слезы брызнули из глаз, когда она дернула ткань, приставшую к липкой коже вокруг заживающей раны.

Смотрелась она отвратительно: неприятно-розовое – цвета не глянцевого новой кожи, а сильного ожога – неровное вздутое пятно. У Этты перехватило дыхание, она заставила себя вдохнуть и отвести глаза в сторону спящего караульного.

Пошли, Спенсер. Сначала беги, а думать будешь потом.

Уверившись, что ее не вырвет от малейшего движения, Этта спустила ноги с кровати, опираясь пальцами о пыльный восточный ковер. Стоило ей только попробовать устоять на своих двоих, как за дверью раздались быстрые шаги.

Этта бросилась на четвереньки, от чего в глазах потемнело чуть не до обморока, и съехала за кроватью.

– ... надо достать...

– ... попробуй ему это скажи...

Голоса стихли так же быстро, как и налетели, но легкий шум в ушах остался – Этта не сразу поняла, что снизу доносились искаженные обрывки музыки. Послышался звон бокалов и громкие голоса, вскипевшие пеной, словно шампанское.

– Поднимем бокалы!

– Тост!

Страх смел остатки замешательства.

«Кажется, мистер Айронвуд, удача еще не окончательно вас покинула».

И Николас, и София предупреждали ее, что у Сайруса Айронвуда полно стражей, стерегущих каждый проход. Она не узнала говорившего, но это было не важно – одного слова, одного этого имени было достаточно, чтобы понять: дела плохи.

Но и эту мысль поглотил другой страх.

Где Николас?

От тех последних мгновений в гробнице память сохранила только обрывки. Этта помнила боль, кровь, ужас на лице Николаса, а потом...

Как будто ее обвязали невидимой веревкой и со всей силы дернули сквозь завесу густой тьмы. Прижав к глазам кулаки, Этта узелок за узелком распутывала свои мысли.

Я осиротела – лишилась своего времени.

Моя временная шкала изменилась.

Мое будущее пропало.

Ее затопил страх, жгучий и удушливый. Все совпадало – все обрывки складывались в то, что ей рассказывали София и Николас. Время схватило ее и швырнуло сквозь череду проходов, выплюнув в последнюю общую точку для старой, знакомой ей временной шкалы, и новой, которую они невольно создали.

Потому что Терны завладели астролябией?

Этта знала: небрежность может изменить шкалу времени, но не настолько, чтобы осиротить путешественников. Для этого требуется *намерение*. Целеустремленность и продуманность. Просто забрать у нее астролябию, не дав уничтожить – мало. Должно быть, они использовали ее. Другого объяснения она придумать не могла. Терны пустили астролябию в ход и бесповоротно изменили – поломали – какие-то ключевые события истории.

И вот она здесь: с Айронвудами, без Николаса.

Перед глазами заплясали разноцветные вспышки, кровь запульсировала в ушах бешеным крещендо боли и отчаяния.

Мама.

Сейчас она не могла думать о ней. Айронвуд обещал убить Роуз, если Этта не вернется с астролябией в срок. Но... Она глубоко вдохнула. Зная – теперь зная – свою мать, Этта не могла не верить, или хотя бы надеяться, что Роуз жива, что она сбежала из плена Айронвудов.

Теперь ее очередь сделать то же самое.

Она заставила себя расслабить мышцы, сковавшие плечо, и начала дышать, как учила Элис, когда ее страх сцены был особенно разрушительным. Тревога и ужас – плохие помощники; Этта вдыхала и выдыхала, пока не вытеснила их из своего сознания, заменив изящным полетом нот. Музыка – тихая, спокойная – заполняла все тени в ее мыслях мягким светом. Воан Уильямс, «Взлетающий жаворонок». Ну конечно. Любимая пьеса Элис – Этта играла ее учительнице на день рождения, всего за несколько месяцев до... до концерта в Метрополитене. До того, как ее застрелили прямо перед проходом.

Хватит думать. Шевелись.

Стоило ей приподняться, как человек в кресле заворочался, с легким вздохом сменив позу. Книга едва не выскользнула из его рук. Этта не дала себе задуматься над странностью, что охранник расслабился до такой степени, чтобы разуться и свернуться калачиком с книжкой.

Это не имеет значения.

Перед ней в прямом смысле слова открылось окно возможностей, и нужно было им пользоваться, пока не поздно.

Рама протестующе скрипнула. Этта выглянула наружу, осматриваясь, и тут же отпрянула.

Высоко в небе плыла луна, освещая побитые развалины города. Огни почти не горели, не считая нескольких фонарей вдалеке, но Этта хорошо видела уходящий вниз склон холма, скособоченные кривые улицы, погребенные под грудями камня и дерева, опаленные пожаром.

Тянуло дымом и солью. Настойчивый ветер приносил чистый и прохладный туман с ближайшего водоема – город словно бы вдыхал его. Из небоскребов будто вырвало целые этажи, окна зияли дырами и выглядели как выбитые зубы. Тут и там попадались недавно отстроенные здания – еще в лесах и с неотделанными фасадами. Хотя многие улицы и даже кварталы были расчищены, масштаб разрушений напомнил ей вид военного Лондона.

На задворках сознания мелькнула догадка, где она, но растворилась, прежде чем Этта успела ее поймать. Более насущным представлялось не «где», а «когда». Мебель, дорогие шторы и постель, омерзительная ночнушка – в пору викторианской кукле, – в которую ее наряжали, разрушения... конец девятнадцатого века? Начало двадцатого?

«Не важно, – подумала она, надеясь подбодрить себя, – единственный выход – через окно».

Ее держали на втором или третьем этаже – точнее сказать было трудно из-за крутого склона под окнами. Стену дома по самую крышу покрывал запутанный лабиринт деревянных лесов, опиравшихся на длинные балки, вкопанные в землю.

Этта вытянула руку, оценивая расстояние до ближайшей опоры. Пальцы легко обхватили неструганное дерево, и, не успела она задуматься, взвесить все доводы, почему эта мысль никуда не годится, как уже взобралась на подоконник, перекидывая ноги на карниз и дальше – на ближайшую горизонтальную планку.

– Чистое безумие, – пробормотала она, пробуя ногой, способна ли конструкция выдержать хотя бы часть ее веса. Сколько раз в детстве она слышала в новостях о рухнувших в Нью-Йорке строительных лесах?

Восемь. Ровно восемь.

Кровь отлила от головы, и ей пришлось подождать под нетерпеливый стук сердца, пока вернется чувство равновесия. Задержав дыхание, с дрожащими от напряжения руками, Этта перескочила с карниза на деревянную доску.

Та даже не скрипнула.

Отлично. Идем дальше.

В каком-то смысле это напоминало спуск по причудливо сконструированной лестнице. Леса то и дело дрожали под весом Этты, местами зазоры между досками и балками оказывались слишком широкими. Но с каждым шагом она наполнялась уверенностью, даже когда ее толкал ветер, даже вопреки мыслям, что она не знает, куда идти потом, когда спустится.

Этажом ниже из стены дома выпирали высокие эркеры. Что еще хуже, окна в них горели, ярко освещая леса. Этта подкралась ближе, заглядывая внутрь под покровом темноты. Если в комнате кто-то есть, придется пройти по самому краю лесов, чтобы ее не заметили. Но сначала ей хотелось выяснить, кто находится в доме – и немаленьком – и почему привезли сюда ее.

Комната, больше той, из которой она сбежала, была вся увешена внушительными полками темного дерева, которые просто ломились от книг. Перед окном стоял письменный стол и большое широкое кресло, повернутое внутрь, больше ничего – и никого.

– Давай, – прошептала она. – Шевелись, Спенсер!

Она до крови закусила губу, стараясь не плакать от боли всякий раз, как спрыгивала вниз, напрягая раненое плечо. Повиснув на балке, как на турнике, и трясаясь от страха, Этта потянулась ногами к брусу внизу, едва доставая до него пальцами.

Слишком далеко. Руки ныли под ее весом, пока она оглядывалась по сторонам, пытаясь определить, как далеко в сторону ей нужно качнуться или передвинуться, чтобы достичь ближайшей вертикальной опоры и соскользнуть по ней. Нет, не получится, не с обжигающей болью в плече и сотрясающей все тело дрожью.

Не получится. Она снова посмотрела вниз, теперь на землю, на наклонно уходящую по склону улицу, стараясь отогнать видение изломанного тела в тонкой белой одежде, заляпанной кровью. Если приземлиться достаточно мягко, она устояла бы, поймала равновесие...

Неожиданно ее внимание привлек скрип окна прямо перед нею. Сквозь стекло на нее глазло ошарашенное лицо. Этта заморгала, дыхание застряло в горле. Окно растворилось наружу.

– М-да, ну и попала же ты в переделку, матушка...

Увидев тянущиеся к ней руки, Этта, не думая и не говоря ни слова, дрыгнула ногами. Пятки обо что-то ударились, и она с удовлетворением услышала ошарашенное «Мать честная!».

– Это совершенно излишне! – добавил тот же голос, искаженный зажимавшей нос ладонью.

Боль в плече и левой руке прорезала даже страх, заставив пальцы дернуться и ослабить хватку. Ойкнув, Этта повисла на одной руке. Вгоняя занозы под ногти, она впиалась пальцами в дерево, пытаясь найти опору, прежде чем свалиться окончательно.

– Держите руку – давайте, не будьте глупышкой, – уговаривал молодой человек, забираясь на подоконник; Этта, как могла, отклонилась подальше. – Вы серьезно считаете, что сломать шею лучше? Я ранен в самое сердце!

Налетел порыв ветра, швыряя волосы ей в глаза, задирая подол ночной рубашки.

– Меня восхищает ваша решимость, но поймите наконец: достаточно одного моего крика, и снимать вас кинется рой рассерженных Тернов. В том, что вы хотите умереть, я тоже сомневаюсь, так что давайте проще: я помогу вам забраться внутрь и покончим с этим.

– Терны? – брови Этты съехались от удивления. *Не Айронвуды?*

Она не услышала потрескивания, но дрожание балки под рукой почувствовала сразу. Вся система лесов, подталкиваемая ветром, заваливалась влево, послышался громкий хлопок, и что-то, пролетая мимо, ударило ее по большому плечу.

А потом начала падать и она сама.

4

Все произошло слишком быстро – Этта даже вскрикнуть не успела. Вот она падает, а вот ее хватают обеими руками за запястье, чуть не выдернув руку из плеча, и в лицо летит бледный фасад здания. Поцарапав щеку о шершавый камень, Этта зажмурилась, а леса, содрогаясь, складывались и рушились на старомодные авто, припаркованные у дома.

– Подтянись, эй! – скомандовал молодой человек напряженным голосом. Этта помотала головой. Раненое плечо одеревенело, а вся левая рука от ключицы до кончиков пальцев, казалось, была заполнена прожаренным на солнце песком.

Тогда он высвободил одну руку и потянулся к вороту ночной рубашки. Громкий рык, и вот она поехала вверх, ссаживая ноги о стену. Этта не дышала, пока не почувствовала под локтями подоконник, потом ее швырнуло через него на юношу, растянувшегося на ковре.

Едва приземлившись, она тут же скатилась с него, перевернувшись на спину. Все тело гудело от боли и адреналина, а сердце некоторое время билось так громко, что Этта ничего не могла слышать за его бешеным стуком.

– Что ж, это было волнующе. Всегда мечтал о спасении девы в беде, но вы доставили мне подобное удовольствие дважды.

Этта приоткрыла один глаз, поворачиваясь на голос. Рядом, полулежа на локте, молодой мужчина оценивающе рассматривал ее с видом истинного ценителя. Резко сев, она отползла к столу, как могла, увеличив расстояние между ними.

Очень молод – ее возраста или чуть старше; короткие каштановые волосы, слегка осветленные рыжеватыми прядками, стоят торчком – Этта с ужасом осознала, что буквально вцепилась в них, ища опору, когда стукнулась о стену здания. Не застегнутый ворот рубашки вывернулся наизнанку – владелец явно накинул ее, не задумываясь о внешнем виде. Поскребывая намечавшуюся щетину на щеке, он внимательно изучал ее пронзительным взглядом голубых глаз, теплевшим от какой-то невысказанной шутки.

Его голос... глаза.

Айронвуд.

Этта поднялась на ноги, но путь ей преграждал большой письменный стол. Он сказал, они у Тернов, что могло быть правдой, только если сам юноша сбежал от Сайруса Айронвуда, переметнувшись на их сторону. Или, как и она, был пленником.

Или наврал. Но, если он сказал правду, то... она попала именно туда, куда хотела.

К людям, укравшим у нее астролябию.

– Полагаю, вам удалось меня напугать – у меня достанет мужества признать это...

– Где я? – оборвала его девушка.

Он чуть не вздрогнул от того, что она заговорила, но встал и принес ей бокал янтарной жидкости с углового столика.

– Голос у вас такой же ужасный, как и вид, детка. Глотните.

Этта гневно взглянула на пойло.

– Ох, с вами никакого интереса, – он даже слегка надул губы. – Очевидно, вы хотите воды. Подождите здесь, только без шума – мы же не хотим поднимать тревогу прямо сейчас, да?

Этта, не понимая толком, что он имеет в виду, подчинилась и молча наблюдала, как юноша подошел к двери и просунул голову в коридор.

– Эй ты, – ты, ты, – принеси воды. И, черт тебя подери, не вздумай плюнуть в стакан – ты всерьез думаешь, что я настолько не искушен в подобном искусстве, чтобы не заметить?

Раздраженный ответ последовал незамедлительно:

– Я тебе не слуга, провались к чертям собачьим!

Так значит, охрана тут все-таки есть. Осталось только понять: охраняют ли они его или себя *от* него.

– Насколько я помню, официальное повеление твоего господина и командующего было: «Давать дорогому мальчику все, что он пожелает». Дорогой мальчик желает воды. И быстро. Ноги в руки и вперед. Спасибо, старина.

Этта поджала губы. Определенно Айронвуд. И, судя по всему, определенно работающий с Тернами.

– Я тебе не...

В ответ юноша захлопнул дверь и обернулся к Этте с довольной ухмылкой.

– Такая серьезная банда – чуть что, сразу заводятся, – прошептал он, подмигивая. – Ух, мы с вами теперь и позабудемся!

Этта ответила ему мрачным взглядом. *Вряд ли.*

Мгновение спустя дверь распахнулась, и в комнату просунулась рука со стаканом мутной жидкости. Едва юноша взял его, дверь с треском захлопнулась. На этот раз Этта расслышала щелчок закрываемого снаружи замка.

– Ты что, зачерпнул воды из ванны, в которой мылся? – закричал молодой человек через дверь.

– Тебе бы еще повезло!

Он еще продолжал бормотать себе под нос, когда пересек комнату и вручил стакан Этте. Вода была коричневатой от гнили, с какой-то подозрительной взвесью.

Увидев ее лицо, юноша поспешил объяснить:

– Извините, положение с водой после землетрясения пока аховое – можете себе представить. Но от нее никто не заболел, – чуть позже, когда она уже пригубила жижу, он добавил: – Пока.

У воды действительно был странный привкус – отчасти металла, отчасти грязи, – но Этта выпила ее в два глотка. Руки все еще дрожали от чудовищного напряжения.

– Где я? – требовательно спросила она. – Когда?

– В Сан-Франциско. Двенадцатого октября 1906 года. Вы были в отключке несколько дней.

Эттины ноги, казалось, погрузились в ковер еще глубже под весом обрушившихся на нее слов. Тринадцать дней. Она потеряла тринадцать дней! Николас мог быть где угодно. София могла быть где угодно. А астролябия...

– Мы мельком познакомились посреди пустыни в Техасе, когда вас только выплюнул проход. Вы, вероятно, помните?

– Рассчитываете на «спасибо»? – ощетинилась Этта.

– А разве не заслужил? Вам чертовски повезло, что нас выбросило через один и тот же проход. Я спас вас и от ближайшего стража, и от койотов, круживших неподалеку. Честно говоря, мне нравится думать, что кабы нея, старшой сейчас опускал бы в могилу ваши изорванные в клочья останки.

Его слова, по крайней мере, подтвердили ее подозрения: во временной шкале что-то изменилось, осиротив всех путешественников, рожденных после определенной даты. Закрыв глаза, Этта глубоко вдохнула через нос, чтобы успокоиться.

– Что изменилось?

– А что изме... А, вы про шкалу времени? Судя по вечеринке, на которую меня «забыли» позвать, шкала изменилась именно так, как они надеялись. Недоумки, заправляющие здешним притоном, что-то говорили насчет России, которая проиграла, но выиграла. Пьяный бред. Почему мы по-прежнему среди живописных руин разрушенного землетрясением Сан-Франциско, остается только гадать. Поживите с этими людьми подольше, и, уверяю вас: вам покажут все самые грязные места любого столетия.

– Вы даже не спросили их, что ли? – гнула свою линию Этта, нисколько не впечатленная.
– Какой год?

Он ответил чуть укоризненно:

– Я же сказал, 1906.

Этта проглотила рвавшееся наружу раздражение.

– Да нет, я спрашиваю: какой год был в Техасе?

– Не вполне уверен, что мне стоит говорить...

Этта кинулась на него, едва сдерживая слова, кипевшие на языке. Она не даст ему скрыть от нее последний общий год – единственный способ проследить ее путь до Дамаска и Пальмиры.

– Ой, нет...! – он вскочил и попятился от нее. – У вас точно такой взгляд, какой был перед тем, как вы ударили меня по носу. Уверяю, они убрали все, что могло бы послужить оружием.

Этта взглянула на стакан в руке, затем снова на него, выгнув брови.

– Я стала очень изобретательной за последние несколько недель. Думаю, смогу справиться с одним второстепенным Айронвудом.

– Второстепенным? – ахнул он, разрываясь между изумлением и возмущением. – Вы что, не знаете, кто я?

– Нет. Вы были так заняты восхвалением себя любимого, что не удосужились даже представиться. Но, сдастся мне, вы знаете, кто я?

– Все знают, кто вы, – пробормотал он недовольно. – Но как низко пал я, что мне самому приходится представляться!

Заложив одну руку за спину, он прижал другую к сердцу и театрально поклонился.

– Джулиан Айронвуд к вашим услугам.

* * *

Должно быть, неверие разлилось по всему ее лицу – его улыбка из насмешливой стала сардонической. Он явно ожидал не такой реакции.

Джулиан Айронвуд? Этта издала короткий сдавленный смешок. Путешествия во времени уже предоставили немало поводов для удивления: хоть бы и встречу с восемнадцатилетней учительницей скрипки, которую с рождения знаешь пожилой женщиной. Но, как ни удивительно, подобный опыт не делал встречи с умершими легче. Этта старалась придать лицу нейтральное выражение, понимая, что пялиться на него в ужасе означало бы зажечь какие-то огонечки в его голове.

Николас не раз предупреждал ее об опасности сообщать кому-либо его судьбу – знание о том, как и когда человек умрет, могло повлиять на выбор, который он сделает, и, потенциально, на шкалу времени. Элис тогда помогла ей найти выход, прямо запретив говорить, что ее ждет, но сейчас...

Этта прикусила губу. Казалось, она уже сроднилась с чувством вины, переполнявшим ее сердце. Просто... это ж надо было встретить брата Николаса, и где?! Почему Николас никогда не упоминал, что Джулиан какое-то время был в плену у Тернов?

– Либо мой обожаемый дедуля-садист сотворил с вами нечто совсем уж ужасное, либо вы хотите сообщить мне, что я умер – довольно глупой смертью, по правде говоря, – сорвавшись со скалы. В последнее время мне попадают только эти два варианта.

– Вы... – Этта захлебнулась словами, отворачиваясь. – Я не хотела, просто...

– Да успокойтесь вы! Не переживайте понапрасну. Как нетрудно заметить, я не умер.

– Подождите... – начала она, подходя поближе, чтобы рассмотреть его лицо. Глаза сияли тем же голубым льдом, как и у Сайруса, за щетиной и усмешкой скрывались те же скулы и длин-

ный прямой нос, что придавали такую властность лицу старика. И та же фирменная Айронвудова тяга перехватывать инициативу в любом разговоре, даже самом коротком...

– Вы живы, – наконец, смогла выговорить Этта. – Вы... все-таки не погибли?

Он размазнулся, явно наслаждаясь темой, и жестом обвел себя с головы до ног.

– Жив, здоров и невредим. Дьявольская удача, как говаривал дедуля. Забавно, учитывая, что дьявол – это именно он и есть...

– Что произошло? – прервала его самодовольное кукареканье Этта.

Его ухмылочка уже доводила ее до бешенства.

– Лучше расскажите, что, *на ваш взгляд*, произошло?

Этта, невесть откуда добыв еще порцию терпения, смогла приручить гнев настолько, чтобы выговорить:

– Была гроза... Вы поскользнулись на тропе, ведущей к монастырю Такцанг-Лакханг...

– Неужели дедуля разболтал всему свету такие подробности? – удивился Джулиан, пригладив волосы. – Всю жизнь так защищал честь семьи, а тут, видимо, не смог удержаться – так хотелось выставить меня полным идиотом.

В его речи звучал едкий подтекст, не вязавшийся с шутивым тоном. Этта снова внимательно на него посмотрела: сутулая фигура, неряшливая одежда, блеск в глазах, который она поначалу приняла за озорной, – и вновь задумалась, какая его часть была настоящей, а какая – просто приросшей маской.

– Я думал, он станет... – Джулиан продолжал расхаживать взад-вперед, теперь уткнув глаза в пол. – Он не...? Я никогда не слышал про что-то типа поминок или...?

Этта подняла брови:

– Я не знаю. Могу лишь предполагать.

– Не то чтобы это имело для меня какое-то значение, – быстро добавил он, помогая себе жестами, – но в некотором роде... пошловато исчезать в клубах снега и тумана. Хочется знать, что... ладно, на самом деле не важно. Все это ерунда.

– Прекратите...! Прекратите ходить туда-сюда, вы меня нервируете, – не выдержала Этта. – Вы можете хоть секунду постоять спокойно и объяснить мне все по-человечески?

Он вскочил на угол большого стола, смиренно сложив руки на коленях. Его босые ноги продолжали раскачиваться, молотя по дереву, и Этта поняла, что просит невозможного. Он не только не умолкал, но и не мог избавиться от избытка бурлившей в нем энергии, чтобы посидеть спокойно.

– В данном случае меня осиротили все те же Терны, – начал Джулиан. – Три года назад они использовали проход в Нью-Йорк 1940-го года, чтобы поджечь Всемирную выставку, ударив по дедушкиному бизнесу в том времени. И в то же самое время я имел глупость свалиться с горы в Бутане. Поскольку я родился в 1941, меня выбросило сквозь проход в 1939 год, который на тот момент...

– Был последним общим годом для старой и новой шкал, – нетерпеливо закончила Этта. Ей казалось, ее мозг сейчас взорвется ото всех этих шкал времени, меняющихся по прихоти путешественников и жизненных путей каждого, которые шли строго прямо, даже когда сам человек прыгал из столетия в столетие. – Я тоже родилась после 1940 года, однако не осиротела.

– Значит, изменение коснулось того года, но не пошло дальше 1941. Уверен, вы слышали об этом уже тысячу раз: как временная шкала поступает с возмущениями.

Этта знала. Время само исправляет себя, подобно потоку воды, налетевшему на камень, а не дороге, необратимо сворачивающей в сторону. Интересно.

– В тот раз меня хотя бы на Мальдивы выбросило – неплохие получились каникулы. Пока я нашел необходимые проходы и вынырнул из неизвестности, до меня дошли слухи о моей предполагаемой гибели, и я решил выжать из этого как можно больше.

– А вам не приходило в голову – хоть разочек за все эти годы, – что, может быть, – я не знаю, – стоило бы сообщить кому-нибудь, что вы живы?

Николасу? Софии? Кому-нибудь другому из своей семьи?

Джулиан соскочил со стола и пошел вдоль книжных полок, вода кончиками пальцев по скругленным корешкам книг. Он напоминал кота, беспокойно и внимательно вышагивавшего перед окном.

Если бы она не слышала этого лично от Николаса, Этта ни за что бы не поверила, что они вообще родственники. В них не было ничего общего. Если Николай передвигался уверенными широкими шагами, даже когда сомневался в том, что делает, то у Джулиана каждое движение сквозило беспокойным возбуждением. Он не был и таким высоким, как Николай, а его тело не шлифовалось годами тяжелой работы на корабле. Слова в устах Джулиана налезали друг на друга, словно боролись за право выскочить первыми, а Николай внимательно отмерял каждое свое слово, зная, что все они могут быть использованы против него. Джулиан, казалось, трещал по швам, в то время как Николай непоколебимо держал чувства в узде.

Потому что ему приходилось...

Потому что он – нежеланный ребенок в семье, презираемый обществом, – никогда не обладал правами, полученными Джулианом по факту рождения.

В ней вскипел гнев, живой, яркий, как теснящиеся на стене портреты. Если перед нею действительно Джулиан Айронвуд, то это тот же самый человек, что беззастенчиво пользовался любовью Николаса, тот, кто отворачивался от брата и считал едва ли кем-то большим, чем слугой, вместо того, чтобы по-настоящему научить его всему, что требовалось знать путешественникам.

«Я – глупец, – признался ей как-то Николай, – потому что, несмотря ни на что, он был мне братом. Я никогда не считал его никем иным. А вот для него все явно было не так».

Джулиана не хватило даже на то, чтобы сообщить своему единокровному брату о себе. Он с легким сердцем оставил Николаса годами мучиться чувством вины, ставить под сомнение честь и порядочность, обрек его на ссылку и ярость Айронвуда.

Все это время Николай страдал – и за что?!

Ни за что.

– Понимаешь, детка, я проболтался в свободном полете, живя как все: почти без денег, постоянно влипая в разные истории. Мне стало скучно. А тут Терны. Я подумал, что могу продать им кое-какие сведения о дедушке, попытаться выменять их на постоянный харч и крышу над головой.

Он взглянул на нее, словно ожидая от Этты сочувственного сюсюканья. Она не отрывала глаз от бронзовой люстры над головой, до боли в пальцах вцепившись в край стола. *Не надо. Он того не стоит.*

– Кстати говоря, – продолжил Джулиан, поворачиваясь к ней, – я бы хотел вернуться к вам... Мать честная!

Этта с наслаждением почувствовала пульсирующую боль в костяшках, когда ее кулак врезался ему в щеку, и Джулиан, не устояв на ногах, мешком шлепнулся на пол. Он глядел, вытаращив глаза и зажимая красную отметину на лице, как она трясет ушибленной рукой.

– За что, черт побери? – изумился он.

– Вы хоть представляете, – начала Этта, повышая голос с каждым словом, – что ваша «смерть» сделала с вашим братом? Вы не задумывались, через что ему пришлось пройти – через что его заставил пройти ваш болван-дедушка?

– С братом? – тупо повторил Джулиан. Желание врезать ему еще раз, на этот раз ниже пояса, должно быть, нарисовалось у нее на лице – бедняга замолотил руками и ногами, отползая по ковру спиной вперед.

Но тут, к ее удивлению, он выдавил:

– Но... Откуда вы знаете Ника?

Этта внимательно изучала его. Он выглядел неподдельно потрясенным то ли ее оплеухой, то ли упоминанием Николаса, то ли и тем, и другим. Не зная, насколько ему можно довериться, она ответила уклончиво:

– Немного с ним путешествовала.

Джулиан наморщил лоб:

– В интересах бабушки?

Она покачала головой, но не успела подобрать нужное слово, как в замке звякнул ключ. Ей следовало бы присесть за стол, спрятаться, но она так и осталась стоять, нависая над Джулианом. Дверь со стоном отворилась, и в комнату ворвались два человека с пистолетами, оба в брюках и простых белых рубашках; оба окаменели при виде ее. Первый, с лицом наполовину скрытым темными пышными усами, даже отступил на шаг назад, перекрестившись.

– Иисусе! – воскликнул второй, глянув на первого. Он был чуть ниже, светлые волосы – те, что еще не выпали, – коротко острижены. – Так парни правду говорили. Это чертов призрак Роуз Линден!

Другой просто снова перекрестился.

– Вы разве не должны меня охранять? – пожаловался Джулиан. – Эта девушка явно не в себе...

– Не то слово! – согласился темноволосый. Теперь Этта узнала голос, препиравшийся с Джулианом насчет воды. – Как, во имя господи, вы сюда попали, мисс?

– Думаю, интереснее спросить, почему вам потребовалось почти полчаса на то, чтобы обнаружить мое исчезновение? – усмехнулась Этта, нащупывая за собой стакан, оставленный на столе. Прежде, чем кто-либо успел ответить, она хлопнула им о край столешницы, отбив верх и оставшись с зазубренной «розочкой» в руках. На одно безумное мгновение в памяти всплыли уроки Софии: куда наносить удар, как перерезать мужчине горло.

Возьми себя в руки, Этта. Ей нужно задержаться здесь, найти астролябию, но ничего не получится, если ее запрут под замок. Однако какая-то ее часть не могла смириться с тем, что эти люди видели ее слабой, беспомощной, и игнорировать эту часть она тоже не могла. Они должны понять: пленница будет защищаться, если ее к чему-либо принуждать.

– Полегче на поворотах! – закричал Джулиан и поинтересовался у стражей: – Вы ничего не собираетесь делать?

Светловолосый поднял маленький черный пистолет, потом выругался и засунул обратно за пояс.

– Пойдемте, милочка, время вернуться к себе в комнатку.

Этта взмахнула перед ним своим самодельным оружием, не обращая внимания на горячую липкую кровь, растекающуюся по порезанной ладони.

– Я так не думаю.

Глухие шаги за стеной переросли в громовой топот, музыка оборвалась с громким скрежещущим стоном. Послышались обрывки голосов: «Пропала!», «Найти ее!» и цветистая палитра ругательств, способных вогнать в краску даже команду Николаса.

– Она здесь! – закричал темноволосый. – В кабинете!

Паническая суэта стихла, перекрываемая одним голосом:

– Благодарю! Дай бог, с суматохой на сегодня покончено.

Оба стража выпрямились – низенький даже предпринял попытку превратить обвисшую на шее тряпицу обратно в подобие галстука-бабочки. В темном углу комнаты появился человек, державший руки в карманах брюк.

– У нас все под контролем, сэр, – быстро отрапортовал темноволосый. – Я как раз собирался вернуть девушку в ее расположение.

– Хорошо, – весело ответил вошедший. – Но мне кажется, под контролем тут все держит именно она.

Он ступил в область бледного света, давая Этте возможность наконец-то себя рассмотреть. Это был тот, кто караулил ее в комнате. Темные глаза обежали зал, внимательно изучив каждого, но задержались на ней столь решительно, что остальных словно бы вымело из комнаты, оставив их наедине.

От его присутствия стыла кровь, но капля стеснения, которую она чувствовала при нем, не шла ни в какое сравнение с наводнением, затопившим ее, когда Этта вспомнила, где его видела. Она даже не заметила, что осколок стакана выпал у нее из рук, пока тот не цапнул ее по ноге и с грохотом не покатился по полу.

Черные как смоль волосы, прорезанные серебристыми нитями... грубые черты лица... она видела его сейчас не в поношенных штанах и растянутой белой рубашке, но в классическом смокинге с белой манишкой, очках в серебряной оправе, выходящим из Большого зала музея Метрополитен. В двадцать первом веке.

– Узнала меня, – отметил он с легкой ноткой одобрения.

Неужели и вправду думал, что не узнает?

Этта не только врезалась в него, чуть позже он сам бежал к ним с Софией, когда они нашли Элис умирающей в луже собственной крови. Как будто знал, что это могло случиться.

Или был тем, кто нажал спусковой крючок.

Два стража немедленно подошли ближе к нему, словно притянутые невидимым полем.

При взгляде на Джулиана в его голосе прорезалась острая грань:

– Почему мне пришло в голову первым делом проверить именно эту комнату?

– Это она набросилась на меня! – запротестовал Джулиан, показывая на окно. – Я не лез не в свое дело. В кои-то веки.

Человек перевел взгляд темных глаз на Этту, и на этот раз она заставила себя ответить тем же. Уголки его рта снова поползли вверх.

– Не стану спрашивать, как ты сюда попала, – полагаю, гора рухнувших лесов перед домом, – достаточно красноречивый ответ. Скажи мне, тебе ни на секунду не приходило в голову, что так и шею свернуть недолго?

Он был столь спокоен и говорил столь уравновешенным голосом, что остальные на его фоне казались маньяками. Сама его величавая и в то же время расслабленная поза будила в ней желание вывести его из равновесия, просто чтобы проверить, сколько ему нужно, чтобы взорваться, где начинается граница его гнева. «Это могло бы пригодиться позднее, – подумала она, – при попытке заставить его проговориться насчет астролябии и места, где Терны ее держат».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.